

ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ В СЕКРЕТНОЙ ТЮРЬМЕ ОВАДАН-ДЕПЕ (из воспоминаний Гельды Кяризова)

Гельды Кяризов (18 января 2023 года ему исполнилось 65 лет) – человек-легенда в постсоветском Туркменистане. Ему принадлежит ключевая роль в восстановлении поголовья ахалтекинских лошадей, ставших национальным символом страны. Изображение жеребца Янардаг, родившегося на частном конезаводе Кяризова, было помещено в центр государственного герба.

В 1990-х годах Кяризов создал и возглавил Международную ассоциацию ахалтекинского коннозаводства (в 1998 г. ее президентом стал глава Туркменистана Сапармурад Ниязов), в 1997-2002 гг. руководил государственным коневодческим объединением «Туркменатлары». В 2001 г. власти заподозрили Кяризова в политической нелояльности и тайных контактах с оппозицией. 30 января 2002 г. он был задержан сотрудниками Министерства национальной безопасности (МНБ) по сфабрикованным обвинениям экономического характера. 4 апреля того же года Ашхабадский городской суд признал его виновным в «халатности» и «злоупотреблениях должностными полномочиями» и приговорил к 6 годам лишения свободы. В августе 2006 г. Кяризова перевели в изолированную от внешнего мира секретную тюрьму Овадан-депе. В январе 2007 г. (спустя месяц после смерти президента Туркменистана Сапармурада Ниязова) его вернули в обычную колонию и в октябре 2007 г. освободили по амнистии. В 2007-2010 гг. все имущество семьи Кяризова, включая более 100 ахалтекинских лошадей, было конфисковано, жилье – снесено, при этом власти отказались предоставить какую-либо компенсацию. Международные правозащитные организации неоднократно выражали озабоченность состоянием здоровья Гельды Кяризова, находившегося под постоянным давлением спецслужб. Более 10 лет все члены его семьи были лишены права выезда за рубеж и лишь в 2015 г. благодаря активной международной кампании они смогли покинуть страну.

Предлагаемый вниманию читателя текст основан на интервью с Гельды Кяризовым и его женой Юлией Серебрянник, записанных мною в Москве в прошлом году. Кяризов – один из немногих бывших узников тюрьмы Овадан-депе, которому удалось выехать за пределы Туркменистана. Свидетельство очевидца об ужасающих условиях содержания в этой тюрьме является чрезвычайно важным. Начиная с 2003 г., когда в Овадан-депе была этапирована первая группа заключенных, и до настоящего времени судьба большого числа узников этой тюрьмы определяется не законами, а специальными секретными указаниями руководства страны. Десятки политических заключенных (включая известных в Туркменистане общественных и государственных деятелей) уже погибли здесь. Некоторым, по поступающим сведениям, «продлевают» сроки по сфабрикованным обвинениям – возможно, в попытке скрыть мрачные тайны Овадан-депе. Лишь активное международное давление может предотвратить новые жертвы.

Этап

В 2003-2006 гг. Кяризов содержался в колонии общего режима ЛБ-К/12 в городе Сейди Лебапского велаята (на востоке Туркменистана) вместе с тысячами других туркменских заключенных¹.

В тот период в колонии находилась небольшая группа заключенных, осужденных за контакты с оппозицией или косвенную причастность к событиям 25 ноября 2002 г. в Ашхабаде. Все они спустя некоторое время были помещены в изолированный блок внутри колонии и постепенно на основе сфабрикованных обвинений в неповиновении администрации переведены на тюремный режим (в основном в секретную тюрьму Овадан-депе).

В 2005 г. та же судьба постигла группу мусульман из Ахалского велаята, которых власти считали «ваххабитами». Они попали в колонию весной 2005 г. и ближе в зиме были этапированы в Овадан-депе. Заключенные называли эту группу «12 апостолов».

¹ По оценке Кяризова эта колония, созданная еще в советские времена, заметно выросла после получения Туркменистаном независимости. Число заключенных выросло с примерно 800 до 2700-4000 чел., уменьшаясь до 1300-1600 после ежегодных амнистий.

25 августа 2006 г. настала очередь Гельды Кяризова. Несмотря на отсутствие формальных претензий к нему со стороны администрации, он был неожиданно отправлен в Овадан-депе. Кяризову не было известно, куда и почему его переводят. То, как было организовано этапирование, свидетельствует, что решение было инициировано на очень высоком уровне в Ашхабаде. Учитывая практику, характерную для последних лет правления Сапармурада Ниязова, можно предположить, что указание исходило непосредственно от главы государства.

Гельды Кяризов вспоминает:

«Часов в 4-5 вечера приходит дежурный (ДПНК)² Махтумкули, говорит: «Гельды-ага, давай, собирайся быстро, бери полотенце, лекарства...» Куда, зачем? – непонятно. Возле оперчасти встретил Рашида, одного из офицеров. Он успокаивает: «Может к лучшему все. Зайди, тебе новую форму делают». Я зашел в швейный цех, форма была готова, уже бирку на нее перешили – с фамилией, номерами статей. Я подумал: «Сейчас повезут. Наверное, должен буду перед Ниязовым просить прощения...» Если бы знал, куда меня отправляют, возможно, я бы от разрыва сердца умер»³.

Для срочного этапирования «особого заключенного» были привлечены две машины, одна из которых принадлежала начальнику оперативной части колонии Ахмету. Кяризова посадили на заднее сиденье машины, сопровождающий спецназовец пристегнул наручник к его руке. Вместе с ними в машине находились «хозяин зоны» подполковник Ораз Халниязов, Ахмет и начальник отряда Чары. Вторая машина с сотрудниками МВД сопровождала первую на всем маршруте до тюрьмы Абдушукур в городе Туркменабате (административном центре Лебапского вelaya). Кяризова доставили в эту тюрьму около 19 часов и после проверки поместили на ночь в одиночную камеру особого блока на первом этаже, в котором раньше содержали приговоренных к смертной казни.

Около 5 часов утра следующего дня на тех же машинах его повезли в Ашхабад. Здесь под мостом у ипподрома на территории, огороженной украинской строительной компанией «Интербудмонтаж», ему на голову надели мешок и пересадили в припаркованный микроавтобус. Все это происходило в присутствии Мусы Исаева – заместителя начальника Департамента исполнения наказаний (ДИН) МВД Туркменистана.

² ДПНК – дежурный помощник начальника колонии.

³ Интервью с Гельды Кяризовым, г.Москва, 8 октября 2015 г.

«У Мусы была модная шляпа, букли, белый шарфик – не скажешь, что в ДИН работает, - вспоминает Кяризов. – Когда машина стала через мост подниматься, я понял, что везут в Овадан-депе. Думаю: ладно, если умру, то хотя бы в родных краях... Когда доехали, одни ворота открылись, вторые, потом третьи поднимают вверх... Мешок немного просвечивает, кое-что видно... Выгрузили у спецблока и повели по зданию с мешком на голове. Прошли общую дверь, две других... Слева по коридору сплошная бетонная стена, справа – камеры... Возле камеры поставили лицом к стене, руки расставлены, сняли мешок. Муса говорит: «Теперь никто тебе не поможет, только на Аллаха рассчитывай». Я в ответ: «Я всегда на Аллаха рассчитываю». По команде Мусы открыли дверь в камеру. Смотрю: там двое зеков, худые, лысые, с морщинами, уши торчат, стоят как обезьяны в зоопарке, только глазки моргают. Мне аж не по себе стало, когда их увидел. Один докладывает: «Камера №4, дежурный №2». Спрашиваю Мусу: «Можно вопрос? У меня обций режим, нарушений не было». Он: «Здесь - строгий режим». То же повторил и другой человек, стоявший рядом - усатый, немного раскосые глаза, имени не знаю. Думаю, это был начальник Овадан-депе»⁴.

Стоит пояснить, что в соответствии с законодательством Туркменистана изменение режима содержания заключенного с «общего» на «тюремный» (максимально строгий) возможно лишь по решению суда за «злостные нарушения установленного порядка отбывания наказания». Однако в данном случае никакого судебного решения не было, не было и каких-либо предупреждений о нарушениях со стороны администрации колонии, что позволяет рассматривать перевод Кяризова в Овадан-депе как незаконный. При помещении в тюремную камеру Кяризов безуспешно пытался обратить внимание на это обстоятельство представителей руководства тюрьмы и ДИН МВД.

«Напоследок Муса Исаев сказал: «Запомни, у тебя больше нет ни имени, ни фамилии. Ты - №3. И только попробуй назвать себя или еще кого-нибудь по имени»⁵.

До смерти президента Сапармурада Ниязова в декабре 2006 г. неизвестно ни одного случая, чтобы кто-либо из заключенных Овадан-депе был освобожден или переведен в обычную колонию.

Жизнь в Овадан-депе

Крыло тюрьмы, в которое поместили Кяризова, включало два сегмента, разделенных дверью, по 4 камеры в каждом. В камере были 7 сваренных из железа двухъярусных спальных нар, закрепленных в бетонном полу. Помимо Кяризова здесь содержались только двое бывших высокопоставленных чиновников из Дашогуза: экс-хяким веляята (губернатор области) Какамурад Аннаклычев, смещенный с должности в январе 2006 г., и экс-директор масложиркомбината Дадебай.

Ранее в той же камере отбывал наказание Гедай Ахмедов (бывший хяким Лебапского веляята, «почетный старейшина» и «герой Туркменистана», арестованный в феврале 2006 г. и осужденный за экономические преступления на 17 лет). Правозащитники сообщали о смерти 66-летнего Ахмедова в начале июля 2006 г. Его тело было доставлено родственникам в Лебапском веляйте в багажнике легковой автомашины и захоронено в обстановке секретности⁶. Вскоре на «освободившееся место» был заселен Кяризов. По словам сокамерников Ахмедов, страдавший от сахарного диабета, не получал необходимых лекарств. Примерно за месяц или два до смерти он потерял способность самостоятельно передвигаться, ходил под себя, сокамерники помогали ему подмываться. После смерти разлагающийся от жары труп экс-хякима в течение двух дней оставался на кровати в тюремной камере.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Гедай Ахмедов умер в тюрьме // Хроника Туркменистана, 04.07.2006 (<http://archive.chrono-tm.org/?id=150>).

Камера представляла собой плохо освещенную бетонную коробку размером 7 на 3,5 метров. Потолок высокий – до 4 метров. Умывальник и туалет – внутри. Во внешней стене были два незастекленных окна, закрытых железной арматурой и жалюзи из полосок металла, через щели в которых можно было смотреть только вверх. В холодные месяцы заключенные закрывали окно полиэтиленовой пленкой. Вдоль стены шла отопительная труба. Зимой 2006-2007 гг. отопление дважды отключали примерно на полсуток, после чего температура понижалось настолько, что невозможно было спать.

Со стороны коридора каждая камера закрывалась толстой металлической дверью с глазком и окошком для раздачи пищи. За этой дверью шла вторая решетчатая дверь с окошком. Двери и окошки запирались на замки и опломбировались (на внешней двери было два замка). В коридоре на стене под потолком справа от входа в камеру была надпись, указывающая, что открывать камеры разрешается только в присутствии представителей трех ведомств: ДИН МВД, МНБ и прокуратуры. Инструкция строго выполнялась. Двух солдат, ежедневно развозивших на тележке пищу, всегда сопровождали дежурный, а также по одному сотруднику от МНБ и прокуратуры.

«В 6 утра – подъем, - вспоминает Кяризов. - Открывается глазок в двери. Встаем, чтобы всех было видно, руки назад, один из нас докладывает: «Камера № 4, три человека, дежурный номер такой-то». Завтрак - примерно в 8.00 утра, ужин – в 18.00, отбой – в 21.00».

По словам Кяризова, *«отношение со стороны солдат было ужасное, они не считали нас людьми. Для них мы были «врагами народа»... Солдаты скрывали свои имена, в нашем блоке все они были выходцами из других велаятов»⁷.*

Заключенных полностью изолировали от внешнего мира. Вопреки действовавшим нормам уголовно-исполнительного права письма, передачи и свидания с родственниками не разрешались.

Общение с охранниками и заключенными других камер официально также не допускалось. Однако многие искали пути, чтобы обойти правила. Как вспоминает Кяризов, иногда через окно удавалось пообщаться с «соседями» или обменяться парой фраз с кем-то из камер, вдоль окон которых он пробегал в банный день.

Не были доступны ни ТВ, ни радио, ни даже официальная пресса. Время от времени выдавали старые журналы и книги, в основном 1930-1950-х годов со штампами расформированных после распада СССР колхозных библиотек (из Тедженского, Мургапского районов и Лебапа). Однажды Кяризову попался журнал, в котором были фотографии с организованного им конного пробега 1988 года. Он показал его солдату охраны, который был шокирован. Из-за слабого освещения после 18 часов читать было невозможно.

В отличие от узников других пенитенциарных учреждений Туркменистана заключенные Овадан-депе имели одну «привилегию» - они были освобождены от обязанности изучать «новую священную книгу» президента Туркменистана Сапармурада Ниязова «Рухнама».

Условия содержания были крайне тяжелыми.

«На завтрак приносили суп из дробленых пшеничных зерен (ярма), где может быть кусочек картошки, немного лука. Изредка (раз в неделю) в нем плавала шкурка от мяса, рыбы кости или глаза. Суп абсолютно нежирный, посуда легко моется. Солдаты, которые готовили пищу, съедали все мясные и рыбные куски... К этому добавляли чуть подслащенный чай в литровой пластмассовой кружке и срез буханки хлеба, сантиметра полтора шириной. На обед - снова суп из дробленки, на второе – каша из той же дробленки. Иногда давали рыбный суп. Зерно, доставляемое в тюрьму, сыпали на асфальт, потом собирали веником, поэтому каша и суп почти всегда была с грязью или мелкими камешками. Однажды сказал об этом, в ответ

⁷ Интервью с Гельды Кяризовым, г.Москва, 8 октября 2015 г.

услышал: «Жри, чего дают». Хлеба отрезали 2 – 2,5 сантиметра. Хлеб привозили ночью и хранили в холодильнике, он промерзал изнутри, мякиш становился черным, плесневел. Ужин повторял завтрак. В обед и вечером вместо чая наливали настойку из верблюжьей колючки»⁸.

Меню повторялось изо дня в день. После освобождения Кяризов рассказал жене, что из-за плохого питания его часто тошнило, часть еды он отдавал сокамерникам или вынужден был выливать в туалет (отказ от пищи не допускался). За пять месяцев пребывания в Овадан-депе Кяризов потерял около половины веса (более 40 кг)⁹.

Посуда и ложки были многоразовые, из пластика, после каждого приема пищи заключенные их мыли и возвращали охране. Для питья и гигиенических нужд использовали воду из-под крана, почти всегда мутную или со ржавчиной, которую включали на полчаса утром и вечером. По утрам заключенные заливали воду в пластиковые баклажки и мусорное ведро. По словам Кяризова, которому один из сокамерников подарил баклажку, «считалось богатством, если у тебя на баклажку больше, чем у другого».

Когда тюремщики открывали дверь, они обычно брезгливо морщились из-за неприятного запаха, исходившего из камеры.

«Мы просто там разлагались, судя по тому, как им было неприятно дышать, – вспоминает Кяризов. – Но мы-то привыкли...»¹⁰.

Раз в неделю, если не было проблем с водоснабжением, заключенных отправляли мыться. При этом все было организовано так, чтобы узники из разных камер не общались и даже не видели друг друга.

«Нас троих выводят, мы берем матрасы, одеяла, подушки, оставляем их на солнце, а сами бежим вдоль забора в сторону курилки на углу... Там вдоль блока бетонная дорожка, мы по ней бежим, руки сзади, смотреть никуда нельзя. Но для нас это было как отдых – ведь мы под открытым небом, без решеток и жалюзи. Специально на прогулки, как положено, нас не выводили ни разу – клянусь хлебом! На помывку давали 15-20 минут – должен успеть и искупаться, и побриться. Назад – тоже бегом. Вода в душе была только холодная. Ближе к зиме «обиженники»¹¹ сварили газовую печку из старых труб, пару раз в ней что-то взрывалось, но иногда можно было помыться и теплой водой»¹².

В банный день заключенным раздавали бритвенные станки со сменными лезвиями «Рапира», которыми они брили себе голову и другие части тела. Раз в неделю охранники приносили в каждую камеру четверть куска хозяйственного мыла, сокамерники делили его между собой, разрезая на части нитью. Этими кусками надо было и помыться, и постирать одежду. Остатки мыла забирать с собой в камеру не разрешалось.

«Примерно через месяц-полтора после моего перевода в Овадан-депе нам сшили из зеленоватой военной ткани типа кармашков, в них – маленькие зубные щетки и минитюбики с зубной пастой. Паста просроченная, но раньше и этого не было. Сказали: это вам на год. Выдавали по утрам, чтобы мы чистили зубы, и после завтрака забирали вместе с посудой»¹³.

Новая хлопчатобумажная роба черного цвета полагалась заключенным раз в год. Кяризов новую робу получил в колонии в Сейди – перед этапом в Овадан-депе. Нижнее белье

⁸ Там же.

⁹ Интервью с Юлией Серебрянник, г.Москва, 18 апреля 2015 г.

¹⁰ Интервью с Гельды Кяризовым, г.Москва, 8 октября 2015 г.

¹¹ Заключенные, подвергшиеся сексуальному насилию.

¹² Интервью с Гельды Кяризовым, г.Москва, 8 октября 2015 г.

¹³ Там же.

не выдавалось, его смены тоже не было. Были только трусы и майка, в которых заключенный поступил в тюрьму. Когда они изнашивались, «дают иголку с ниткой и сам подшиваешь».

«У меня майка белая, а латать ее выдали черные нитки, - рассказывает Кяризов. – Я боялся, что умру в этой майке, и, если родственники получают тело, они придут в ужас. Позже, когда представилась возможность, я все черные нитки распорол и перезашил на белые»¹⁴.

Кяризова этапировали в Овадан-депе без носков. Когда похолодало, сокамерник, у которого была лишняя пара носков, подарил ее Кяризову.

«Обувь тоже выдается на год. В Овадан я пришел в шлепках. Они стерлись, потому что мы много ходим по камере, ведь больше там делать нечего. Другую обувь не принесли. В обед мои шлепки забрали, «обиженники» подишли их и на вечернее кормление принесли назад». Сокамернику Кяризова, обувь которого совершенно развалилась, выдали тяжелые старые туфли, в подошве которых торчал гвоздь. «Пришлось загибать его ударами другой пары обуви»¹⁵.

Медицинская помощь практически не оказывалась. Иногда днем приходил врач, спрашивал заключенных через решетку о проблемах со здоровьем (входить в камеру он не имел права).

«Иногда можно было получить таблетку анальгина или тримолла¹⁶. Как великое одолжение! К зиме мне от простуды выдали, у меня легкие слабые... Однажды, когда поднялось давление, врач дал таблетку нитроглицерина. Для диабетиков никаких лекарств не было. Говорили: «У нас еще другие зоны, пока ничего нет, фонды не открыли» и т.п.

Где-то в декабре (сейчас точно не помню когда, возможно, перед готовившейся ежегодной амнистией) вдруг начали какое-то обследование: отводили в помещение к дежурному, мерили давление, пульс... Потом ходили по камерам, делали укол – всем одним шприцом, давали какие-то таблетки, сказали, что витамины, но мы испугались их пить»¹⁷.

Как вспоминает Гельды Кяризов, «в камере были насекомые - те же, что и за окном. Комаров мы не считали проблемой. А жуки и пауки были для нас как друзья. Это отвлекало от однообразия тюремной жизни»¹⁸.

Относительно заключенных в других камерах информации было немного.

«Во 2-ой камере сидели хякимы (главы региональных администраций): Аширберды Черкезов¹⁹ и другие. 3-я камера, находящаяся рядом с нашей, была пустой. Осенью в нее заселили братьев Хаджиевых - Сапара и Амана²⁰, сестра которых Огулсапар была замужем за моим покойным другом. Иногда я разговаривал с Аманом, Сапар избегал общения. Тогда никто из нас еще не знал, что их сестра в сентябре погибла в тюрьме»²¹.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Обезболивающие и жаропонижающие средства.

¹⁷ Интервью с Гельды Кяризовым, г.Москва, 8 октября 2015 г.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Аширберды Черкезов – бывший мэр Ашхабада и Туркменбаши, в 2003 г. был приговорен к 10 годам лишения свободы. Освобожден в июне 2013 г.

²⁰ Амандурды Хаджиев в октябре 2002 г. был приговорен к 15 годам лишения свободы. Освобожден несколько лет назад.

²¹ Интервью с Гельды Кяризовым, г.Москва, 8 октября 2015 г.

Трое гражданских активистов, включая журналистку туркменской службы RFE/RL Огулсапар Мурадову и Сапардурды Хаджиева, были арестованы в июне 2006 г. за помощь иностранным журналистам в подготовке документальных материалов о Туркменистане. Дело получило широкий международный резонанс. Первоначальные обвинения в шпионаже и антиправительственном заговоре вскоре были изменены. 25 августа 2006 г. их осудили по сфабрикованному делу о хранении патронов соответственно на 6 и 7 лет лишения свободы. Весной 2006 г. Огулсапар организовала интервью Юлии Серебрянник, ее сестер и детей с журналистами французской телекомпании «Galaxie Presse», прилетевшими в Ашхабад для съемок документального фильма о Туркменистане²². Кяризов знал о встрече с журналистами со слов жены и, услышав об осуждении Огулсапар, стал опасаться, что его семья также может быть подвергнута репрессиям. Юлия Серебрянник не исключает, что неожиданный перевод мужа в Овадан-депе почти сразу после вынесения приговора трем гражданским активистам связан именно с этими интервью.

Как вспоминает Кяризов для контактов с «соседями» использовалась система условных сигналов, с которой его сокамерники познакомились в период нахождения в другом блоке Овадан-депе.

«Сначала смотрели через щели в жалюзи, нет ли кого поблизости. Потом обменивались условными стуками через стену... Чиркаешь камнем по стене – это значит, надо подойти к окну. Снова осматривались. Каждый кашлял, и начинали тихо переговариваться. Если слышны шаги - чих, и разговор прекращается...»²³

В крыле, где раньше содержались сокамерники Кяризова, отбывали наказание бывшие руководители ведомств: Ильяс Чарыев²⁴, кто-то из геологоразведки и др. Там же содержались бывшие чиновники МНБ и прокуратуры высокого уровня.

«Рассказывали про Кувандыка – начальника следственного управления прокуратуры. Когда он еще был на должности, то приходил в камеру, жевал жвачку, блокнот в руках, ногу - на нары, спрашивал: «Ну, чё, какие жалобы? До конца будете сидеть». А когда его и других прокурорских самих закрыли, они двое суток хохотали... В январе, уже перед моей отправкой в колонию, шел в баню мимо их крыла, оттуда были слышны полуживотные звуки – это они там с ума сходили... Мурата Атагаррыева²⁵ обрили в коридоре тупой бритвой, он кричал от боли, а однажды вытащили в коридор и жестоко избили - наверное, указание было»²⁶.

Семья

Когда 25 августа 2006 г. Кяризова этапировали в Овадан-депе, никто не сообщил об этом семье. Его жена Юлия Серебрянник привезла передачу мужу 22 августа. А 2 сентября, когда она приехала на свидание в ЛБ-К/12, заместитель начальника колонии неожиданно заявил, что Кяризов отправлен в «соответствующее учреждение».

В течение полугода родные не знали, жив он или нет, где находится, не получали никаких известий о нем. Обращения в официальные учреждения не давали результатов.

²² Документальный фильм «Turkménistan: la folie Niazov» с фрагментами интервью членов семьи Кяризова вышел в эфир осенью 2006 г. Хотя лица говорящих были заретушированы, знакомые могли легко их идентифицировать.

²³ Там же.

²⁴ Ильяс Чарыев – руководитель торговой корпорации «Туркменнефтегаз». В 2005 г. был обвинен в коррупции и хищении государственных средств и приговорен к 25 годам лишения свободы.

²⁵ Мурат Атагаррыев – хяким (губернатор) Ахалского веляята. В сентябре 2005 г. был смещен с должности в связи с обвинениями в коррупции и других преступлениях.

²⁶ Интервью с Гельды Кяризовым, г.Москва, 8 октября 2015 г.

18 сентября 2006 г. заместитель начальника ДИН МВД сообщил Юлии Серебрянник, что ее муж не зарегистрирован ни в одном из мест лишения свободы в Туркменистане²⁷.

«В сентябре я стала везде ходить и говорить: как же так, свиданий нет, деньги и передачи не принимают, - вспоминает Юлия. - Куда бы мы ни обращались, они ничего не говорили. Я стала писать жалобы, отправлять телеграммы. Подготовила общее письмо в российское, американское, британское и немецкое посольства. Англичане сделали запрос. Британский дипломат Крис Боуден (Chris Bowden) позднее сказал мне, что Рашид Мередов (вице-премьер и министр иностранных дел Туркменистана) спросил: почему вы о Кяризове беспокоитесь, ведь он – криминальный элемент»²⁸.

У Юлии Серебрянник сохранилась часть ее объемной переписки с правительственными ведомствами в этот период. Среди документов – ответы из Генеральной прокуратуры (от 26 октября, 8 и 20 ноября, 22 декабря 2006 г.) о направлении ее писем с вопросами о судьбе мужа в МВД Туркменистана; ответ из Верховного Суда (от 23 ноября 2006 г.) о том, что с вопросом о местонахождении мужа ей следует обратиться в МВД Туркменистана; квитанции об отправленных письмах: в редакцию юридического еженедельника «Адалат» (от 6 ноября 2006 г.), в Верховный Суд, Министерство юстиции, Институт демократии и прав человека при Президенте Туркменистана, Генеральному прокурору (от 3 ноября 2006 г. и 3 января 2007 г.) и др.

В четырех ответах за подписью начальника отдела Департамента исполнения наказаний МВД А.Язмырадова (от 3, 13, 17 и 23 ноября 2006 г.) сообщалось, что осужденный Кяризов находится в «соответствующем учреждении» данного департамента – без указания конкретного пенитенциарного учреждения.

В отчетах МИД Великобритании о правах человека в мире за 2006 и 2007 гг. упоминается, что посольство поддерживало тесный контакт с семьей Кяризова и регулярно ставит вопрос о его освобождении как на двусторонней основе, так и в рамках ЕС и ОБСЕ. При этом в отчете за 2006 г. говорится о праве Кяризова на условно-досрочное освобождение, а в отчете за 2007 г. есть ссылка на «гуманитарные основания, связанные с плохим состоянием здоровья г-на Кяризова».

Активность 33-летней Юлии в тоталитарном обществе, характерной чертой которого был страх перед карательными органами, была беспрецедентной по меркам Туркменистана. В феврале 2006 г. ей и другим членам семьи был запрещен выезд за рубеж, спустя месяц ее оштрафовали – якобы за «хулиганство» в здании МНБ Туркменистана. Многочисленные жалобы Юлии и внимание западных дипломатов в 2006-2007 гг. (как и позднее в 2015 г.) сыграли позитивную роль в судьбе Гельды Кяризова. Вероятно, именно с ними связаны отмеченные выше небольшие улучшения в бытовой жизни заключенных Овадан-депе с октября 2006 г.

По мнению Гельды Кяризова тюремщики Овадан-депе вскоре стали относиться к нему немного иначе, чем к другим заключенным. Он даже сказал сокамерникам: *«Видите, это мои не сидят, обращаются всюду... Надо, чтобы не одна, а 40 женщин собрались и написали петицию, пошли в ОБСЕ, ООН»*. Однако сокамерники предпочли конформистскую позицию.

Гельды Кяризов вспоминает:

«Один из них говорит: «Когда меня взяли, я сказал своим: «Надо молчать, тихо сидеть». Я ему: «Ты еще посоветовал бы им штаны снять...» Он на меня обиделся»²⁹.

²⁷ Интервью с Юлией Серебрянник, г.Москва, 18 апреля 2015 г.; Turkmenistan: Medical concern: Geldy Kyarizov // Amnesty International, EUR 61/007/2007, 01/02/2007 (<http://www.amnesty.org/download/Documents/64000/eur610072007en.pdf>).

²⁸ Интервью с Юлией Серебрянник, г.Москва, 18 апреля 2015 г.

²⁹ Интервью с Гельды Кяризовым, г.Москва, 8 октября 2015 г.

Примерно 10 ноября 2006 г. домой к Юлии Серебрянник по рекомендации знакомого пришел неизвестный мужчина, который сказал, что работает в Овадан-депе и якобы может передать ее мужу еду и деньги.

«Этот дядька был под два метра ростом. Я в трансе – как это? Ведь мы ничего передать не могли: ни записки, ни еды. Я собрала мясо, другие продукты, деньги заняла у брата. Потом выяснилось, что ничего из этого до Гельды не дошло. Не знаю, почему. Брат меня ругал. Говорят, этот человек действительно работал в Овадан-депе, но вскоре его убили»³⁰.

13 декабря 2006 г. семью Кяризова посетил мужчина, назвавшийся сотрудником МНБ, но не предъявивший каких-либо документов, который заявил, что глава семьи якобы умер в заключении от пыток³¹. Возможно, это было безуспешной попыткой спецслужб нейтрализовать активность Юли.

После смерти президента Ниязова

Первый президент постсоветского Туркменистана Сапармурад Ниязов – архитектор туркменской тоталитарной модели - скончался при неясных обстоятельствах 21 декабря 2006 г. Администрация Овадан-депе скрывала эту информацию от заключенных. О смерти диктатора Гельды Кяризов узнал более месяца спустя – когда в тюремном железнодорожном вагоне смог переговорить с этапирруемыми из других колоний. Однако почти сразу после смерти «вождя туркмен» в Овадан-депе стали происходить изменения, свидетельствовавшие о начале каких-то перемен.

«21-го декабря было слышно, как над тюрьмой барражировал большой вертолет. Неожиданно стали давать больше хлеба. Помимо обычного черного «дубаки» (сотрудники тюрьмы) приносили чурек (национальная лепешка), разрезали и кусочки раздавали нам как худаёлы³². На Новый год неожиданно плов дали - не с мясом, а так, каша. Я съел, и меня сильно тошнило... Ребята-прокуроры вдруг по две шоколадки раздали. Как будто стали Бога бояться. Было заметно изменение отношения охраны. Через неделю после смерти Ниязова в душевой вдруг установили зеркало и настил, разрешили уносить обмылки после мытья. Такого никогда не было. Поэтому мы знали, что что-то случилось...»

На Новый год сидим и слышим: дежурный офицер включил радио, музыку. Напился, потом подходит к нам, открыл глазок в двери, кричит: «А ну, все встали. Убрать эту вашу постель, скатать – ни один не ложиться». И дверь, которая в коридор выходит, то ли сапогом, то ли дубинкой лупит, ругается... У меня аж все внутри... Потом подумал: «Хрен ты дверь откроешь один». Взял и лег. Он кричит: «Ляжь здесь, на видном месте». Стучит, ругается. Я взял свои вещи. Я на таких уже насмотрелся. Говорю: «Сдохни, тварь». Он по двери, решетке дальше лупит...»³³

18 января 2007 г. чиновник МВД позвонил в дом бывшей жены Кяризова и сообщил, что в понедельник 22 января 2007 г. родственники могут прийти в ДИН МВД для передачи посылки. В доме самого Кяризова телефонная связь была отключена без объяснения причин в день смерти президента Ниязова и восстановлена лишь спустя почти три месяца (жалобы по этому поводу остались без ответа).

Из-за сложных отношений с прежней семьей мужа Юлия Серебрянник узнала о возможности передачи лишь вечером 21 января 2007 г. Это было первым свидетельством того,

³⁰ Интервью с Юлией Серебрянник, г.Москва, 18 апреля 2015 г.

³¹ Turkmenistan: Medical concern: Geldy Kyarizov // Amnesty International, EUR 61/007/2007, 01/02/2007 (<http://www.amnesty.org/download/Documents/64000/eur610072007en.pdf>).

³² Худаёлы - традиционное в туркменском обществе благотворительное или «искупительное» угощение.

³³ Интервью с Гельды Кяризовым, г.Москва, 8 октября 2015 г.

что Гельды Кяризов жив. Утром в понедельник она пришла к зданию ДИН по улице Гёроглы (недалеко от гостиницы «Турист»), где стояла огромная очередь родственников осужденных. Через некоторое время ее вызвали, долго не могли найти фамилию Кяризова в двух учетных журналах. Потом принесли еще один (возможно, специальный журнал с именами соержавшихся в Овадан-депе), где фамилию нашли. После этого посылку приняли.

Вскоре представитель МВД позвонил Какагельды Кяризову (младшему брату Гельды) и сообщил, что тот переведен в колонию в Марыйском велаите с более строгим режимом. Эта информация оказалась неточной. Юлия Серебрянник посетила две колонии в этом велаите (в Байрам-Али и «больничку»), прежде чем узнала, что ее муж возвращен в ЛБ-К/12³⁴.

А вот как вспоминает о тех днях сам Гельды Кяризов:

«Дней за 10 нам сообщили, что разрешены передачи. Мы обрадовались. Я дал телефоны жены и Давлета – сына от первого брака... 26 января в пятницу выпал снег. С площадки для прогулок в 20-30 метрах за душевой были видны заснеженные вершины Копетдага, впервые смог сориентироваться. Когда возвратился, дверь камеры еще не закрыли, заходит один в сопровождении дежурного и начальника Овадан-депе (того же усатого, что меня встречал с этапа). Спрашивает: «Кто Кяризов? Как себя чувствуешь? Давай, сегодня вечером собирай вещи, готовься к этапу». Оказалось, это новый начальник ДИН. Спрашиваю: «Теперь куда?» - «Объяснят». Вечером собрался, за пару дней до этого пришла передача: круглый сыр, мыло в пачках красивое... Поделился с сокамерниками. Они говорят: «Дай Аллах, Гельды. Ты первым уходишь». Со слезами провожали. Когда пришло время выносить вещи, я в таком состоянии был - мешок не могу поднять, тащу, меня качает. Пришли на выход. Опять мешок на голову, руки за спину и в машину. Везли одного. Проехали по спецдороге через несколько КПП. За вокзалом в сторону туннеля на Хитровка сняли наручники. Вокруг - солдаты с овчарками. Завели в вагон. В «столыпине»³⁵ есть большие купе и пара маленьких. В одно из маленьких посадили меня, в другое – пару «обиженных», их с Красноводска везли. Уже Яшлык проезжаем, это 60 километров от Аихабада, слышу у них один и тот же разговор: на похороны приехал президент Грузии, еще кто-то... Я спрашиваю: «Слышь, братан, какой президент? какие похороны?» - «А ты откуда, брат?» - «С Овадан-депе» - «А, ясно... Это наш президент умер, Туркменбаши, еще 21 декабря». Вот там я только услышал. У меня, конечно, горло перехватило...»³⁶

В том же вагоне оказались племянник Гельды Кяризова - Агагельды Кяризов и племянник бывшего министра иностранных дел Бориса Шихмурадова - Мурат, осужденные в 2001 г. Их этапировали из Красноводска. По приговору суда они должны были отбывать в тюрьме первые пять лет, однако продержали их в крытой камере на год больше и перевели в колонию в Байрам-Али только после смерти Ниязова. Кяризов смог обменяться с ними несколькими фразами.

После возвращения Гельды Кяризова в ЛБ-К/12 ограничения на свидания, передачи, общение с другими заключенными были отменены.

29 января 2007 г. Юлия Серебрянник впервые за пять месяцев смогла посетить мужа. В пресс-релизе «Международной Амнистии» от 1 февраля 2007 г. отмечалось, что Гельды Кяризов выглядел неузнаваемо: как «ходячий труп», «кости, обтянутые кожей», весит 45-50 кг, потеряв около половины веса. Хотя в 2002 г. он перенес в СИЗО МНБ два сердечных приступа и инсульт, страдает от пневмонии, в Овадан-депе он не получал необходимые медицинские препараты. Правозащитная организация выразила озабоченность состоянием здоровья Кяризова, нуждающегося в срочной медицинской помощи³⁷. Аналогичные оценки приводятся и

³⁴ Интервью с Юлией Серебрянник, г.Москва, 18 апреля 2015 г.

³⁵ «Столыпинский вагон» - вагон, оборудованный для перевозки заключенных.

³⁶ Интервью с Гельды Кяризовым, г.Москва, 8 октября 2015 г.

³⁷ Turkmenistan: Medical concern: Geldy Kyarizov // Amnesty International, EUR 61/007/2007, 01/02/2007 (<http://www.amnesty.org/download/Documents/64000/eur610072007en.pdf>).

в статье на сайте «Гундогар», где говорится, что Кяризов «словно побывал в Бухенвальде». Помимо серьезных проблем с физическим состоянием он «подавлен морально и находится на грани психического расстройства»³⁸.

Гельды Кяризов оказался первым заключенным, переведенным после смерти Ниязова из Овадан-депе в обычную колонию. Его сокамерники были этапированы в колонию в Байрам-Али спустя неделю. Бывший директор маслозавода Дадебай, приговоренный к 18 годам заключения, вышел на свободу в конце 2007 г., погасив инкриминированную ему сумму нанесения ущерба государству. А экс-хяким Дашогузского веляята Какамурад Аннаклычев, осужденный на 25 лет, по неподтвержденным данным продолжает оставаться в заключении³⁹.

7 октября 2007 г. Гельды Кяризов был освобожден на 56 дней раньше срока в рамках кампании ежегодного помилования – в соответствии с указом президента «О помиловании лиц, осужденных к лишению свободы, в честь священного дня “Gadyg gijesi”» от 29 сентября 2007 г.

Перед освобождением заместитель начальника ЛБ-К/12 Шакир пытался уговорить его выступить с покаянным заявлением по ТВ, однако Кяризов категорически отказался.

«Ответил ему: «Один раз уже себя оговорил, больше меня не заставите. Отпустите – хорошо, не отпустите – будете отвечать. Указ вышел, мое имя в него включено...» Когда вышел из колонии, отошел метров 200, думал, не видят, повернулся, показал палец и говорю: «Я вашу маму имел»... Эта моя импульсивность повлияла. Оказывается, некоторые видели это, потом жене рассказывали... Сначала было чувство свободы. Но уже в Ашхабаде понял, что слежка, стукачество, запреты, произвол спецслужб – все это для меня не закончилось. Как будто весь Туркменистан стал большой тюрьмой»⁴⁰.

В справке об освобождении, выданной администрацией ЛБ-К/12, факт незаконного содержания Гельды Кяризова в Овадан-депе отражен не был.

³⁸ Шихмурадов Б. Мы прекратим убивать друг друга? // Гундогар, 01.02.2007 (<http://gundogar.org/?0221043815000000000000011000000>).

³⁹ В феврале 2007 г. в Байрам-Али был переведен и упоминавшийся выше Ильяс Чарыев, который продолжает отбывать наказание. Гражданский активист Сапардурды Хаджиев в 2007 г. был этапирован в колонию БК-К/6 в г.Акдаш Балканского веляята, откуда освобожден в феврале 2013 г. Примерно в 2012 г. на свободу вышел Сейдали(?) Рахимов - один из «12 апостолов», прошедших Овадан-депе.

⁴⁰ Интервью с Гельды Кяризовым, г.Москва, 8 октября 2015 г.